

АСЯ
ПЕТРОВА

СЕЛИН
СААДИ

БЫВШИЕ

ПОПЫТКА НОМЕР ДВА

Ася Петрова

Бывшие. Попытка номер два

«Литнет»

2026

Петрова А.

Бывшие. Попытка номер два / А. Петрова — «Литнет», 2026

— Рада, что ты счастлив, Денис. Правда. Вижу, как на секунду каменеет его челюсть, но он, лишь поджав губы, кивает.— Мы оба изменили нашу жизнь в лучшую сторону, — с мягкой улыбкой я добавляю. Денис усмехается, вновь засовывая руки в карманы. В этой усмешке читается что-то горькое, но меня это уже не задевает.— Ты уверена, что в лучшую? Ты ведь просто сбежала... Понимаю, что разговор уходит не в то русло. Не будет искренних улыбок и чая с вопросами о том, как мы успокоили свои души и жизни. Но и боли тоже не будет. Пять лет назад его предательство стало точкой отсчёта. Между нами все закончилось грязно и жестоко. Я сбежала, чтобы начать всё заново. Сегодня я вынуждена быть здесь. Теперь не сломленная, а изменившаяся, я больше не чувствую боли от его слов. Но что, если он не готов это принять?

© Петрова А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Марина	5
Глава 2. Марина	7
Глава 3. Марина	10
Глава 4. Марина	12
Глава 5. Марина	14
Глава 6. Марина	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глава 1. Марина

Москва встречает меня серым небом и мелким, колючим дождем, который бьет в панорамные окна терминала Шереметьево.

Я останавливаюсь на секунду, чтобы перехватить ручку небольшого кожаного чемодана, и мой взгляд цепляется за собственное отражение в тонированном стекле.

Оттуда на меня смотрит женщина, которую я едва ли узнала бы пять лет назад. Вместо замученной учительницы с потухшим взглядом и собранными в тугую, строгий хвост волосами — уверенная в себе женщина.

Кашемировое пальто песочного цвета сидит безупречно, волосы рассыпаются по плечам мягкими волнами, а в глазах больше нет того вечного извиняющегося выражения. За эти годы в Лондоне я научилась главному — держать спину прямо, что бы ни происходило.

Делаю глубокий вдох. Воздух здесь совсем другой... Родной какой-то. Мне нравится жизнь в Лондоне, но по дому я все равно сильно скучала.

Достаю телефон. На экране светится сообщение от Марка:

«Как долетела? Алиса только что вернулась со школы, передает привет. Ждем новостей из больницы».

Улыбаюсь, быстро набирая ответ:

«Приземлилась. Беру такси и сразу к маме. Поцелуй Лису».

Алисе уже двенадцать. Мой угловатый, ранимый ребенок превратился в уверенную лондонскую школьницу, которая говорит по-английски лучше, чем по-русски, и занимается верховой ездой.

Оставить ее там, с Марком, пока я экстренно лечу в Москву разбираться с маминым здоровьем, было самым правильным решением. Это моя битва, и тащить дочь обратно в город, где все пошло прахом, я не собиралась.

Звонок от соседки раздался вчера утром.

«Мариночка, Нине Сергеевне плохо с сердцем. Скорая забрала. Подозревают инфаркт».

Мир на секунду качнулся, но, в отличие от меня пятилетней давности, я не впала в ступор. Я просто открыла ноутбук, купила ближайший билет, собрала вещи и дала четкие инструкции Марку.

Никаких слез. Только действия.

Выхожу на улицу, поеживаясь от прохладного ветра.

Водитель такси, хмурый мужчина в кожаной куртке, молча забирает мой чемодан, убирая его в багажник. Я сажусь на заднее сиденье и смотрю в окно.

Машина трогается, вливаясь в бесконечный московский трафик. За окном мелькают знакомые улицы, развязки, новые высотки, которых здесь не было пять лет назад.

Город изменился. И я тоже.

Когда-то я думала, что умру без Дениса. Думала, что измена выжгла меня дотла и я больше никогда не смогу собрать себя по кускам. Первые полгода в Лондоне были адом.

Я просыпалась по ночам от фантомной боли в груди. Но время, хороший психотерапевт и тотальная смена обстановки сделали свое дело. Я выучила язык, подтвердила диплом, начала работать в частной образовательной сфере. Я заново научилась дышать.

Такси тормозит у высоких железных ворот больницы. Расплатившись, я уверенно шагаю к центральному входу.

Внутри пахнет хлоркой, лекарствами и той специфической больничной тоской, которая одинакова во всем мире. В регистратуре сидит полная женщина в белом халате поверх шерстяной кофты. Она даже не поднимает на меня глаз, перебирая какие-то карточки.

— Здравствуйте, — мой голос звучит ровно, с легкими, едва уловимыми, приобретенными британскими интонациями. — Палата интенсивной терапии. Морозова Нина Сергеевна. Я её дочь, мне нужно поговорить с лечащим врачом.

Женщина нехотя поднимает взгляд, собираясь по привычке что-то буркнуть в ответ, но отсекается. Она окидывает меня оценивающим взглядом — от брендовой сумки до спокойного, не терпящего возражений выражения лица. Моя поза не просит одолжения, она требует информации.

— Третий этаж, направо, — бурчит она уже гораздо вежливее. — Врач — Игорь Леонидович, ординаторская в конце коридора. Только туда нельзя в верхней одежде, гардероб внизу.

— Благодарю, — коротко киваю.

Сдав пальто, поднимаюсь на третий этаж.

Моя строгая, всегда знающая, «как лучше», мама сейчас лежит где-то здесь, опутанная проводами.

Мы не были близки в последние годы — она так и не поняла, почему я сбежала, и часто вздыхала в трубку, что Денис был хорошим мужем, просто оступись. Но она моя мать.

Я нахожу нужную дверь и без стука толкаю ее.

В ординаторской за столом сидит усталый врач лет пятидесяти. Он поднимает на меня глаза от монитора.

— Вы к кому?

— Я дочь Нины Морозовой, — прохожу вперед и сажусь на стул напротив него, не дожидаясь приглашения. — Мне нужно знать всё. Насколько обширный инфаркт, какие прогнозы и что требуется с моей стороны. Если нужно перевести ее в частную клинику, то я готова оплатить.

Врач снимает очки и трет переносицу, глядя на меня с уважением.

— Вы вовремя прилетели, Марина... простите, не знаю вашего отчества.

— Просто Марина.

— Состояние Нины Сергеевны стабилизировали. Кризис миновал, но ситуация серьезная. Ей потребуется операция на клапане. Мы можем сделать ее здесь, по квоте, но придется ждать. Либо...

— Делаем платно. Чем быстрее, тем лучше, — не раздумывая, отвечаю я. — Подготовьте счет.

Я выхожу из ординаторской спустя пятнадцать минут. Внутри пульсирует адреналин от принятых решений, но руки абсолютно спокойны. Я достаю из сумки телефон, чтобы написать Марку, что всё под контролем и операция назначена на послезавтра.

Иду по коридору к палате, где спит мама, и вдруг замираю.

Взгляд случайно цепляется за мужскую фигуру у окна в противоположном конце холла. Высокий, широкоплечий, в темном пальто. Он стоит спиной ко мне, разговаривая по телефону.

Сердце не пропускает удар. Я не впадаю в панику. Но мозг услужливо и холодно фиксирует: Москва слишком маленький город, чтобы мы не столкнулись.

Это не он. Мужчина оборачивается, незнакомое лицо.

Я тихо выдыхаю, усмехаясь собственной настороженности. Просто показалось...

Глава 2. Марина

Прекрасно понимая, что состояние мамы не сулит быстрого решения, я даже не рассматривала отели.

Марк вообще сразу сказал: обратный билет нужно бронировать минимум через пару недель. А потому я сняла жильё в обычной новостройке в Северо-Западном округе.

Несколько лет назад, когда дочь впервые заикнулась, что больше не хочет в Россию, это случилось как раз после поездки к отцу. В то время квартира, оставшаяся нам от бывшего мужа, ещё какое-то время сдавалась в аренду.

Именно мама тогда помогала привести её в порядок, проконтролировать уборку, подписать договор с жильцами и прочее. Без нее все это было бы сложнее, а она своей помощью позволяла мне сосредоточиться на Алисе и себе.

Но я все равно пришла к решению, что её нужно продавать.

Площадь, конечно, могла остаться и не требовала затрат, но казалась мне каким-то балластом из прошлого.

Не тяжёлым грузом, давящим на плечи, а просто лишним элементом в новой реальности. Как старая вещь в шкафу: не нужна, но и выбросить пока рука не поднимается.

Я хотела окончательно разорвать связь, а именно это жильё было фундаментом моего неудавшегося брака. Напоминанием о том, что осталось позади.

На территорию нового жилого комплекса я въезжаю после всех бюрократических процедур в больнице, связанных с платной операцией и палатой.

Такси останавливается у высотки в виде башни.

Я выглядываю в окно и выхожу.

У дома уже облагорожена территория, но, поскольку здесь ещё несколько домов и, видимо, работы ещё ведутся. Я прямо вижу делегацию из нескольких человек в белых касках.

Не обратив на них внимания, я забираю свой чемодан, поблагодарив таксиста.

А когда уже хочу двинуться в сторону входа, что-то заставляет меня обернуться. Будто едва уловимый сигнал на периферии сознания.

Порыв ветра бросает волосы в лицо, но даже сквозь них я замираю, заметив один из силуэтов.

Внутри что-то щёлкает.

Узнавание.

Он стоит вполборота, в чёрном пальто, на голове каска, руки в карманах. А его глаза цвета жухлой травы чётко смотрят в мою сторону.

В них нет ни злости, ни радости, только отстранённость, которая меня на мгновение сбивает с толку.

Да и на лице ни единой эмоции, тогда как я абсолютно не верю в происходящее.

Легкое замешательство с вопросом как он здесь оказался?

Ещё тогда, в больнице, я обозналась, но это будто был знак...

И вот, абсолютно другой район, совсем другие мы... Но вновь на одной дороге.

Денис коротко бросает что-то, как я полагаю, коллегам, и движется в мою сторону.

Его шаги размеренны, неторопливы. Он не спешит, словно даёт мне время собраться. И будто сам еще до конца не понял, кто перед ним.

Я выпрямляю спину, привычка, выработанная годами. Поджимаю губы в лёгкой ироничной усмешке, когда он оказывается ближе.

— В лучших традициях мелодрамы, — говорю я, глядя в его глаза.

Вблизи они кажутся совсем другими. Не теми, полными боли и отчаяния, скорее спокойными, скрывающими настоящую суть этого мужчины.

— Я не знал, что вы вернулись, — хрипит он, сдвинув брови и оглядывается, очевидно, в поисках дочери. — Лиса не говорила.

С Алисой Денис поддерживает связь по сей день. Более того, насколько мне известно вслух ситуацию они так и не проговорили, но дочь, благодаря работе с психологом отпустила.

На самом деле, я хотела вернуться в Россию спустя пару месяцев после приезда в Лондон. Хотела ради дочери, не ради себя. Но Алиса тогда, заплавав, попросила остаться подольше. Я согласилась.

На тот момент она познакомилась с соседской девочкой и почти молча, потому что английский дочери был крайне скуп по приезду, они играли.

Видеть её радость в глазах в то время было важнее всего. Разговоры, упреки и прочее, чего я наслушалась от моего окружения, я пропускала мимо ушей.

Неловкое молчание между Денисом и мной затягивается, и я наконец отвечаю.

— Я здесь временно, — киваю ему и понимаю, что между нами пропасть.

Не пропасть отчаяния, а пропасть опыта. Мы прошли разные пути и стали чужими.

Это сейчас так явственно чувствуется, что, кажется, даже прохожие ощущают эту дистанцию.

— Помощь нужна? — ради вежливости кивает Денис на чемодан.

Отрицательно качаю головой, хватаясь за его ручку. Его взгляд машинально перемещается к моей руке. И на мгновение мне кажется, что он хочет что-то сказать, но сдерживается.

— Надолго? — интересуется он, чуть прищутив взгляд.

В этом вопросе читается что-то большее, но я не хочу расшифровывать.

— Постараюсь как можно скорее...

Мой бывший муж поджимает губы и вдруг отводит глаза.

— Матери стало хуже?

Вопрос заставляет меня на секунду замереть от неожиданности. Он знает?

— Что, прости? — я даже непроизвольно делаю шаг ближе к нему.

Голос остаётся ровным, но внутри включается режим анализа: откуда у него эта информация?

Денис снимает свою каску, и я вдруг замечаю что-то поблескивающее на его пальце в лучах солнца. Мозг мгновенно фиксирует деталь, но эмоции остаются под контролем.

Просто это еще одна внезапность. Кажется, даже дочка не знает, что он женился во второй раз.

— Мне известно о твоей матери, Марина, — хрипит он хмуро.

Вскидываю брови, но даже сквозь мою новую крепкую оболочку проявляется удивление. Мама не говорила, что они общаются...

— А мы, видимо, многого не знаем о тебе... — я киваю на его руку.

Слова звучат ровно, без намёка на обиду.

— Рада, что ты счастлив, Денис. Правда.

Вижу, как на секунду каменеет его челюсть, но он, лишь поджав губы, кивает.

Но даже от количества неизвестных мне данных тщательно выстроенный мир не рушится.

— Мы оба изменили нашу жизнь в лучшую сторону. — с мягкой улыбкой я добавляю.

Денис усмехается, вновь засовывая руки в карманы. В этой усмешке читается что-то горькое, но меня это уже не задает.

— Ты уверена, что в лучшую? Ты ведь просто сбежала...

Понимаю, что разговор уходит не в то русло. Не будет искренних улыбок и чая с вопросами о том, как мы успокоили свои души и жизни. Но и боли тоже не будет.

— И я этого не отрицаю. Удачи тебе, Денис.

Я говорю это искренне, даже с некой ностальгией по той жизни, которая была до его падения.

Разворачиваюсь к подъезду, доставая ключи. Движения чёткие, уверенные.

Чувствую спиной его взгляд, даже когда скрываюсь за толстым калёным стеклом входной двери.

Только теперь это для меня ничего не значит. Совсем ничего.

Глава 3. Марина

Закрываю за собой дверь и прислоняюсь к ней спиной, позволяя себе долгий, тяжёлый выдох.

Стягиваю пальто, бросаю его на пуфик в прихожей и прохожу в гостиную.

Квартира неплохая — светлая, с минималистичным дизайном, панорамными окнами. Но это лишь декорации. Моя реальная жизнь осталась там, за тысячи километров, а здесь я будто вернулась в прошлое, чтобы сдать экзамен, который когда-то завалила.

Достаю телефон. Разница во времени с Лондоном сейчас три часа. Алиса уже должна была вернуться со школы, пообедать и, скорее всего, сидит в своей комнате за уроками или болтает с подружками.

Нажимаю на иконку видеовызова. Гудки идут недолго, дочь отвечает почти сразу.

На экране появляется её лицо. Волосы собраны в небрежный пучок, на носу забавные очки в тонкой оправе, которые она надевает только дома, когда читает. За её спиной виднеются постеры любимых групп и кусок теплого желтого пледа. От этого вида у меня внутри всё сжимается от нежности.

— Привет, мам! — её голос звучит звонко, но в глазах сразу читается тревога. — Ты уже в Москве? Долетела? Как бабушка?

Она выпаливает вопросы со скоростью пулемета, придвигаясь ближе к камере.

Я сажусь на серый диван, поджимая под себя ноги.

— Привет, милая. Да, я на месте. Только что заехала в квартиру, которую сняла.

— А бабушка? Ты была в больнице?

Я на секунду замолкаю. Пять лет назад, когда всё рушилось, я совершила ошибку, пытаюсь оградить её от реальности. Теперь я знаю, что дети всё чувствуют. И Алиса в свои двенадцать заслуживает честности больше, чем кто-либо.

— Была, Лисонька, — мягко, но серьезно отвечаю я. — Ситуация сложная. У неё был сильный сердечный приступ. Сейчас она в реанимации. Врачи говорят, что состояние стабильное, но нужна операция на клапане. Мы будем делать её платно, так что не переживай, за ней ухаживают лучшие специалисты.

Лицо дочери мгновенно становится серьезным. Вся детская легкость слетает с неё в одну секунду. Она хмурит брови, опускает глаза, и я вижу, как она нервно теребит край своей толстовки.

— Ей... ей очень больно? — тихо спрашивает она.

— Ей тяжело, — честно признаюсь. — Но она боец, ты же знаешь нашу бабушку Нину.

Алиса замолкает. На экране видно, как она кусает нижнюю губу — привычка, которая осталась у неё с раннего детства, когда она о чём-то напряженно думает.

— Мам... — она поднимает на меня глаза, и в них стоит абсолютная решимость. — Я хочу приехать.

Я замираю. Внутри инстинктивно поднимается волна протеста, я ведь специально оставила её в безопасности, в комфорте, подальше от больничной суеты и московской серости.

Но, глядя в её глаза, я понимаю, что не имею права ей отказывать.

— Алиса, это больница, там не очень весело... — мягко начинаю я, но она меня перебивает.

— Я знаю. Но я хочу её увидеть. Вдруг... вдруг операция пройдет не так? Я не прошу себе, если не приеду. Пожалуйста. Я могу прилететь на выходные, или Марк меня привезет. Я не буду тебе мешать, обещаю.

Слышать такие взрослые рассуждения от собственного ребенка — это гордость, смешанная с легкой грустью о том, как быстро она выросла.

Я мягко улыбаюсь в камеру.

— Хорошо, милая. Я не против. И бабушка... она точно будет очень рада тебя увидеть. Это придаст ей сил. Поговори с Марком, пусть посмотрит билеты.

Алиса заметно выдыхает, и её плечи расслабляются.

— Спасибо, мам. Я прямо сейчас ему скажу.

Мы болтаем еще пару минут о её школьных делах, о том, какая погода в Лондоне, пытаюсь немного сбросить напряжение от тяжелых новостей.

Разговор уже клонится к завершению, когда я, сама не зная почему, решаю упомянуть то, что произошло час назад. Наверное, потому, что теперь между нами нет секретов.

— Кстати... представляешь, кого я сегодня случайно встретила? — говорю это легким, почти будничным тоном, будто речь о давнем знакомом.

— Кого? — Алиса поправляет очки.

— Твоего папу. Прямо возле моего дома. Оказалось, его строительная фирма ведет здесь какие-то работы.

Алиса удивленно моргает.

— Папу? Ничего себе совпадение. И что? Вы разговаривали? Вы не ругались?

Её голос звучит немного напряженно. Я знаю, что для неё эта тема всё ещё зыбкая почва, несмотря на работу с психологом.

— Нет, не ругались. Всё было абсолютно спокойно. Обменялись парой фраз, — яжимаю плечами, разглядывая узоры на обивке дивана. — Только... знаешь, Лиса, я немного удивилась. Я заметила у него обручальное кольцо. Кажется, твой отец женился.

Я говорю это без боли и ревности внутри, но по ту сторону экрана повисает мертвая тишина.

Алиса не двигается. Её глаза медленно расширяются, а потом она сдвигает брови так сильно, что на переносице появляется глубокая складочка. Вся её поза внезапно выражает жесткое, колющее отторжение.

— Нет, — её голос звучит плоско, почти металлически. — Этого не может быть.

— Почему? — я тоже хмурюсь, не ожидая такой категоричной реакции. — Люди женятся, Лиса, это нормально. Прошло пять лет.

— Нет, мам, ты не понимаешь, — она подается вперед, так близко к экрану, что я вижу её расширенные зрачки. — Мы разговаривали с ним в среду. Мы постоянно созваниваемся. Он рассказывает мне всё. Про работу, про то, как сделал ремонт, про свою собаку.

Она сглатывает, и её голос дрожит от подступающей обиды и непонимания.

— Он бы мне сказал. Обязательно сказал бы, если бы кто-то появился в его жизни, а тем более — если бы он женился. Я бы точно была в курсе. Ты... ты, наверное, ошиблась, мам.

Я молчу, глядя на её растерянное лицо.

Я не ошиблась. Я слишком хорошо знаю Дениса и видела это кольцо кристально ясно.

В груди начинает расползаться неприятный, липкий холодок.

Если он действительно женился, то почему скрывает это от единственной дочери?

Глава 4. Марина

— Я уже собираюсь в больницу... — отвечаю, придерживая плечом телефон и утрамбовывая вещи в пакет.

Пальцы дрожат, и я невольно замедляю движения, чтобы не уронить полотенце.

— Надеюсь, что всё пройдет хорошо, — голос Марка такой размеренный и спокойный, что я держусь за него.

Потому что, как бы я ни старалась храбриться, беда с мамой всё равно ударила.

Особенно сейчас, когда я нахожусь в её доме. Здесь повсюду её запах. Запах моего детства, хоть тогда мы жили совсем в другом месте.

Несколько лет назад она захотела уехать подальше от города, и потому теперь она живет в частном секторе за городом, в паре часов езды.

И, несмотря на то, что теперь мы находимся в разных странах, связь не такая плотная, как раньше, сердце тревожится сильнее, чем кажется.

Перед глазами так и стоит мамино лицо, с этой её улыбкой, которой она всегда пыталась меня успокоить.

Последний раз мы купали ей билеты год назад, а она отказалась лететь. Сослалась на огород и грядки, но, признаться, я думаю, что все эти перелёты — стресс для неё.

Просто нам она сказать постеснялась.

— Я купил билеты Лисёнку, она прилетит через несколько дней. Переживает сильно, хоть и не хочет показывать.

— Я вчера почувствовала это, да, — киваю, закидывая в свою сумку ключи.

Мысленно проверяю список: документы, вода, мамины вещи... Всё ли взяла?

— А ты сама как?

— Я... — вздыхаю, совершенно не зная, как охарактеризовать своё состояние.

В горле ком, а в груди пустота, будто из неё выкачали воздух.

— Честно, не понимаю.

Марк на том конце провода несколько секунд молчит.

— Я скучаю, родная. И хоть это тебе не поможет, готов всё бросить и прилететь с Алисой.

Улыбаюсь, чувствуя, как внутри разливается тепло. На секунду представляю, как он обнимает меня, и это почти успокаивает.

— Я же знаю, что у тебя важный контракт.

— Да, чёрт, — он выругивается на английском, вызывая мой смех. — Но очень хочется.

— Я бы тоже хотела, чтобы ты был рядом.

Говорю Марку, захлопывая дверь дома.

— Но мне уже пора, я выхожу, связь, наверное, пропадёт.

— Люблю тебя, — слова Марка теряются, и, не успев ничего ответить, я слышу, что соединение прерывается.

Смахиваю экран и нажимаю иконку приложения каршеринга. Ладони потеют, и я машинально вытираю их о джинсы.

Когда я сажусь в машину, из головы опять не выходят слова Дениса. Полночи не давали покоя, и сейчас опять.

Насколько они с матерью могут быть близки, раз он знает о случившемся...

Я вылетела сразу, как мне сообщили. Значит, получается, и ему сообщили. Мама сама точно не могла сказать...

О том, что он утаил свой брак от дочери, я стараюсь вообще не думать. Мне нет дела до его личной жизни, единственное, Алиса точно не простит, если он вновь её подведёт. Вспоминаю её глаза, когда я ей сказала о кольце, и внутри всё сжимается.

До больницы я добираюсь часа через три, хорошо, что встала пораньше, чтобы добраться за вещами.

Вчерашние документы все подписаны, необходимое и предметы личной гигиены, о которых сказал врач, я тоже везу.

Теперь остаётся только молиться, чтобы мама выдержала и справилась с этой бедой.

Вхожу в здание, проверяю по информационным табло, правильно ли я помню путь. Сдаю пальто, беру бахилы и, когда уже хочу двинуться в сторону отделения интенсивной терапии, замечаю этот чертовски знакомый силуэт.

Высокий, плечи расправлены, костюм тройка, слишком официальный для больницы.

— Денис? — непроизвольно выдыхаю в спину впереди идущему мужчине.

Он оборачивается.

В его взгляде холодная уверенность, будто он ждал этой встречи. А я застываю на секунду, чувствуя, как кровь приливает к щекам. В груди смесь злости и растерянности.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю на этот раз твёрже.

Он медленно оглядывает меня. Сверху вниз, с этой привычной полуулыбкой, от которой когда-то бросало в дрожь, а теперь только злит.

— Давай пакет, Марин, — тянет руку.

Я отшатываюсь, уводя руку с пакетом за себя. Внутри всё кипит: и злость, и вопросы, и глухое раздражение. Пальцы сжимаются на ручке пакета так, что ногти впиваются в ладонь.

— Ответишь? — вскидываю бровь, стараясь, чтобы голос не выдал, как сильно меня трясёт.

Вчерашняя случайность — ладно. Пусть, как в сказке, но всё равно возможно. Но сегодня... Это уже перебор.

Мы чужие друг другу люди. Мы не будем стоять у маминой койки, будто...

— Пришёл навестить тёщу, — спокойно отвечает, перебивая мою мысль.

— Хотел сказать — бывшую тёщу...

— Насколько мне известно, нового зятя у неё так и не появилось, — бросает он, вздёрнув бровь.

Хмыкаю, качая головой от того, какая у него смена поведения. Вчера, видимо, была демо-версия хорошего мужчины... А сегодня, получается, передо мной истинное лицо обиженного?

— Но и бывший уже никогда не станет настоящим, — бросаю я ему и прохожу мимо.

Пальцы сжимают ручки пакета, а я всячески пытаюсь погасить волну злости.

Глава 5. Марина

Шаг за шагом я заставляю себя успокоиться, пока иду по коридору к кабинету заведующего отделением.

Мои каблуки отбивают ровный ритм, и с каждым стуком глухое раздражение на появление Дениса понемногу отступает, уступая место холодной сосредоточенности.

Главное сейчас — мама. Всё остальное просто шум.

Я коротко стучу и толкаю дверь ординаторской. Игорь Леонидович сидит за тем же столом, просматривая какие-то бумаги.

— Доброе утро, — здороваюсь я, проходя внутрь и опуская сумку на соседний стул. — Я привезла вещи для Нины Сергеевны. И я готова подписать договор на операцию и оплатить счет. Куда мне нужно подойти? В кассу?

Врач поднимает на меня удивленный взгляд поверх очков. Он откладывает ручку и как-то неловко прочищает горло.

— Марина... э-э-э... так вопрос с оплатой уже решен.

Я замираю. Рука, потянувшаяся было за кошельком в сумку, останавливается на полпути.

— В смысле решен? Кем?

— Денисом Александровичем, — Игорь Леонидович пожимает плечами, словно это само собой разумеющееся. — Он приехал вчера поздно вечером. Полностью закрыл счет за операцию, оплатил двухместную VIP-палату для реабилитации и договорился с нашим лучшим кардиохирургом. Нина Сергеевна в надежных руках.

Слова врача доходят до меня как сквозь толщу воды. Внутри всё сжимается в тугую, ледяной ком.

— Вы... вы взяли у него деньги? — мой голос звучит неестественно глухо.

— А почему нет? — врач искренне недоумевает. — У нас нет правил, кто оплачивает счет. И насколько я осведомлен, он, собственно, всегда ей помогал. И путевки в кардио-санаторий ей пробивал последние три года, и импортные препараты доставал, когда были перебои с поставками. Замечательный мужчина, очень о теще заботится. Вы разве не знали?

Я физически чувствую, как моя тщательно выстроенная, независимая жизнь дает трещину.

Пять лет он был рядом с моей матерью, покупал ей лекарства, оплачивал лечение, пока я была уверена, что она просто справляется со всем на свою скромную пенсию и те переводы, что я ей отправляла. Она брала его деньги. Она принимала его помощь втайне от меня.

— Ясно, — сухо чеканю, резко разворачиваясь. — Спасибо.

Я вылетаю из ординаторской так стремительно, что едва не сношу плечом дверной косяк. Кровь стучит в висках.

Денис стоит в конце коридора у окна. Заметив меня, он медленно поворачивается, и на его лице появляется это невыносимое выражение благородства.

Я подлетаю к нему, не соблюдая никакой дистанции.

— Сколько? — шиплю я, глядя прямо в его невозмутимые глаза цвета жухлой травы.

— Что, сколько? — он лениво вскидывает бровь, хотя прекрасно понимает, о чем я.

— Сколько ты заплатил за операцию? Назови сумму, я переведу тебе всё до копейки прямо сейчас. И за санаторий, и за лекарства тоже посчитай.

Денис тяжело вздыхает и прячет руки в карманы брюк, всем своим видом показывая, как его утомляет моя реакция.

— Угомонись, Марин. Это не для тебя. Нина Сергеевна мне не чужой человек. Кто-то же должен был о ней заботиться, пока ты строила свою идеальную лондонскую жизнь.

— Не смей, — я делаю еще один шаг, так что нас разделяют считанные сантиметры. — Не смей прикрываться благородством. Ты просто покупал себе индульгенцию! Покупал её лояльность, чтобы чувствовать себя хорошим мальчиком после того, как разрушил нашу семью! Я верну тебе всё. Моя мать не будет зависеть от твоих подачек.

Его глаза вспыхивают, и маска спокойствия дает трещину.

— Это не подачки! Я был рядом с ней, когда у нее давление скакало, а ты там со своим... новым хахалем по Темзе гуляла! Так что спрячь свою гордость, Марина. Ты опоздала. Счет оплачен.

Я смотрю на него, и меня вдруг отпускает. Злость испаряется, оставляя место холодной ясности. Он действительно верит в свою святость. Он выстроил себе удобный мир, где он — спаситель, а я — сбежавшая стерва.

Губы сами собой складываются в ироничную усмешку.

— Знаешь, Денис... ты так любишь играть в идеального семьянина и заботливого зятя. Это просто потрясающе.

Он хмурится, не понимая резкой смены моего тона.

— Только вот в твоём идеальном мире есть одна нестыковка, — я склоняю голову набок, глядя прямо на его безымянный палец, где сейчас нет кольца. — Я вчера звонила Алисе.

Денис мгновенно напрягается, и его плечи деревенеют.

— И я сказала ей, что видела тебя. Сказала, что, судя по кольцу на твоём пальце, ты женился, — делаю паузу, наслаждаясь тем, как краска стремительно сходит с его лица. — Знаешь, что она мне ответила? Она сказала, что этого не может быть. Потому что её папа обязательно бы ей рассказал. Её папа не стал бы ей врать.

Денис сглатывает. Его кадык нервно дергается. От бывшего самодовольства не остается и следа.

— Ты... ты зачем ей это сказала? — хрипит он, и в его голосе прорывается неприкрытая паника.

— Потому что я не вру своей дочери в отличие от тебя, — проговариваю каждое слово по слогам. — Алиса прилетает на выходных. Она хочет поддержать бабушку.

Я разворачиваюсь и, не оглядываясь, иду по коридору к реанимации, оставляя своего бывшего мужа стоять у окна с абсолютно белым лицом.

Глава 6. Марина

Мамина операция прошла успешно. Она пока очень слаба, но хотя бы максимальную помощь, которую могли ей оказать.

Я же несколько дней гоняю про себя все слова Дениса.

Кто прав, кто виноват — не отвечу. У каждого свой взгляд и своя правда, но и я не неблагодарная тварь, которая не может оценить оказываемую помощь. Могу.

Только не тогда, когда этот же человек вывернул не только мою душу, но и душу собственной дочери.

Когда он, глядя в глаза, лгал мне обо всем.

Все его задержки на работе, и более того командировки, заиграли красками ровно в тот момент, когда я увидела его в школьном классе.

И да, я старалась пережить этот момент, построить свою жизнь. И у меня вышло. Но теперь меня обвиняют в этом? В том, что я пошла дальше?

Задевает ли это?

Абсолютно да. Он выставляет меня дочерью, которая бросила мать на амбразуру, а сам натягивает чертов нимб на свою голову.

Снова завожусь, как только начинаю об этом думать.

Прожить ситуацию это одно, отпустить — другое. Так говорят.

Но наша встреча, судя по всему, показывает, что мы оба не отпустили. Даже несмотря на шаги вперед.

Наконец, я вхожу в зону ожидания аэропорта и машинально ищу подтверждение севшего самолета дочери на табло.

Соскучилась жутко.

А еще переживаю, потому что не хочу никаких эмоциональных откатов. Одного моего состояния уже достаточно.

Пока жду Алису, думаю взять стаканчик кофе, потому что потом едва ли удастся. А в больнице из автомата он уж слишком паршивый.

Разворачиваюсь в сторону кофейни — там стоит несколько человек.

Встаю в очередь, примерно рассчитывая время, за которое дочь пройдет паспортный контроль и заберет багаж.

— Только не устраивай истерик перед Лисой, — вдруг звучит за моей спиной.

Слишком близко и слишком громко для этого расстояния между нами.

Вздрагиваю и машинально отшатываюсь.

Денис стоит рядом, не глядя на меня.

Как обычно, вид триумфатора и руки в карманах, будто у него там что-то выпадет, если он не будет помогать себе руками.

Глубоко вдыхаю воздух носом.

— Я и не планировала, Денис. Не моя прерогатива. — коротко чеканю, отчаянно задавливая раздражение: — Алиса попросила встретить?

Я знаю, что нет. Но тонко намекаю ему на то, что его здесь быть не должно.

— Ты и сама наверняка знаешь, что нет, — отвечает он со своим мнимым спокойствием: — Но разве мне нужно разрешение на то, чтобы увидеть дочь...

Прикрываю глаза, короткая усмешка слетает с губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.